

ТИМУР ОБРАДИЧ

НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ

СОДЕРЖИТ
РЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тимур Обради́ч

На Дальних Рубежах

<https://litres.ru/74089479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатые годы XXI века оставили шрамы, которые перевели цивилизацию в другую систему координат. Пандемии, локальные войны, экономические обрывы — всё это стало базисом для нового общественного договора: безопасность важнее свободы, порядок важнее спонтанности. К середине XXI века Россия вновь поднялась — теперь уже не как империя территорий, а как государство технологий: лунные миссии, орбитальные модули, первые марсианские лаборатории. К XXIII веку мир перестроился окончательно: города стали модульными, границы — орбитальными.

Герои последующей истории - Артём Воронов и Алиса Климова росли в эпоху, когда космос перестал быть мечтой и стал частью повседневной жизни. Их детство было сочетанием обычной жизни и фантастических технологий, когда по улицам ходили роботы, а в школах изучали как историю России, так и искусство управления космическими колониями.

Так зарождались герои будущей истории, готовые встретить вызовы, построить доверие, любовь и справедливость на дальних рубежах.

Содержание

Введение	4
Часть 1.Люди системы Глава-1 Там, где Алиса и Артём снова знакомятся	6
Глава 2 Скот и Лея	19
Глава 3 Первый тандем	24
Глава 4 Разбор	34
Глава 5 Экзамен	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тимур Обрадич

На Дальних Рубежах

Введение

Группа учёных в одиночной лаборатории на заброшенной орбите провёли эксперимент, о котором потом говорили шёпотом, и под прицелами спецслужб. Резонатор — несовершенный, собранный кустарным способом — должен был лишь проверить возможность модуляции пространственного поля. Вместо этого он открыл окно. Они пришли как свет, который нельзя было ни измерить, ни удержать. Первые проявления не поддавались слову: не звук и не свет, а нечто, что растягивало память и наполняло смыслом пустые метки на приборных шкалах. В лаборатории приборы заплакали — и в этот короткий миг один кадр из жизни предстал перед ним со всей бесстыдной точностью: они увидели совершенно новые лица, слышали голоса внутри, почувствовали, как внутри пробуждается нечто чужое. Он сделал выбор, он не отдал результаты в архив и не сдался под давлением. Спрятал исходные данные, и отправился в подполье науки. В ту злосчастную ночь часть ученых просто исчезли в никуда, в последствии неудачного эксперимента с открытием гиперпространственного окна, чуть не случилось плане-

тарная катастрофа .Лаборатория была закрыта и уничтожена спецслужбами с целью неразглашения. Человество так и не узнало что было в шагу от гибели .Так родился культ, получивший название «Чёрный Предел».Которые хотели только одно,несмотря на запреты продолжить начатое

Часть 1.Люди системы

Глава-1 Там, где Алиса и Артём снова знакомятся

Тренировочная база ЦКБ РФ «Аурора». Март 2287 года. Земля. Российская Федерация. Уральские горы

Снежный ветер едва пробивался сквозь многослойные металлические щиты базы «Аурора», заставляя мостики тихо скрипеть и вибрировать. Под бледным утренним солнцем, отражавшимся от покрытых инеем панелей, движение на базе начиналось размеренно и почти бесшумно.

Её не было видно с космоса. Её не было видно и с поверхности Земли. Даже квантовая разведка проходила мимо — кванты просто скользили сквозь пустоту, не фиксируя ничего. Весь секрет заключался в обширном пространственном кармане, искусственно созданном и стабилизированном десятилетия назад.

Если бы кто-то попытался найти базу, не зная точных координат и кодов доступа, он увидел бы лишь древнюю полуразваленную хижину и старый барак — остатки давно заброшенной геологической станции. Вся техника, входящая в зону, автоматически переходила в стелсрежим. Меры предосторожности. Протоколы секретности. Здесь это не обсуждалось — здесь это соблюдалось.

История самой структуры уходила корнями в начало XXIII века. После слияния Роскосмоса с рядом подразделений государственной безопасности, функционал которых постепенно выводился за пределы классических силовых ведомств, часть задач была передана Российской Земляной Национальной гвардии, космический отдел которой, вобравший в себя разведку, безопасность и оперативную работу за пределами Земли, вошёл в состав вновь образованного Центра Космической Безопасности Российской Федерации — ЦКБ РФ.

Снаружи снег тихо ложился на посадочные площадки. Сквозь прозрачные панели куполов за горизонтом тянулись тёмные леса Урала. Но внутри базы царили строгая дисциплина и холодный свет мониторов.

«Аурора» представляла собой комплекс шарообразных куполов, отражающих солнечные лучи. Автоматизированные дроны двигались по строго заданным маршрутам, не сталкиваясь и не отклоняясь ни на миллиметр. Внутри прозрачных оболочек располагались биомодули — симуляторы условий Луны, Марса и других планетарных систем.

Артём Воронов шагал по платформе, проверяя датчики учебных дронов. Ему было двадцать четыре года. Короткая стрижка, сосредоточенный взгляд, движения — точные и экономные. Его плечи слегка подрагивали от холода, а голубые, внимательные глаза не упускали ни одного сигнала с панели контроля.

Он проходил отбор и подготовку для дальнейшей отправки в командировку на Луну. На Луне он уже бывал. Давно.

В детстве отец брал его с собой в рабочие рейсы. Тогда Артём жил в детском секторе станции — месте, куда прилетали дети со всей страны, а иногда и со всей планеты, если станция была международной. А бывал он и там, и там. Ему было девять, когда он познакомился с девочкой, старше его на три года. Они играли вместе, смеялись, бегали по коридорам станции с другими детьми, не задумываясь ни о будущем, ни об опасностях космоса. Так продолжалось два года подряд. Потом девочка исчезла из его жизни. А потом начался другой этап — космический интернат. Суровые учебные будни, строгий распорядок, дисциплина. В восемнадцать лет Артём поступил в вуз ЦКБ — на техническое направление. Модульные станции, робототехника, дроны, квантовые системы. Проще говоря, от него зависела работоспособность инженерных, роботизированных и квантовых систем колоний. Он пошёл по стопам отца.

Интернат и академия почти полностью выбили из него воспоминания о тех беззаботных лунных каникулах. Он сам выбрал этот путь — путь освоения космоса. В этом мире это была одна из самых востребованных и престижных сфер. Можно было найти себя и на Земле, но для Артёма это казалось скучным и муторным.

Этот отбор, эта подготовка к первой полноценной лунной командировке были для него билетом в жизнь. Он волновал-

ся. Боялся допустить ошибку.

В последние недели ему всё чаще снился один и тот же сон — он снова видел ту самую девочку из детства. Лицо было размытым, голос — едва различимым. Он знал, что это всего лишь сон. Эти воспоминания были стёрты ещё в Академии ЦКБ — стандартная процедура, исключая излишние привязанности и эмоциональные сбои. Так ему говорили.

Он находился на базе уже две недели. Из ста претендентов отбор прошла лишь половина. Остальных отправили на переподготовку или оставили на Земле — заниматься штабной работой. Комуто это было в радость. Но не ему.

Этой ночью сон снова повторился. И Артём ещё не знал, что то, что он увидит совсем скоро — уже наяву — поразит его куда сильнее любого сна.

Алисе было двадцать семь. Невысокая, с длинными каштановыми волосами, слегка выющимися от природы, она обычно собирала их в аккуратный пучок, стягивая простой тёмной резинкой. В её облике не было ничего броского — спокойствие, собранность, почти незаметная строгость. Но за этим внешним равновесием скрывался путь, который редко проходит человек по собственной воле.

Она рано повзрослела. Когда Алисе исполнилось четырнадцать, она потеряла родителей. Террористическая атака на орбитальную станцию «Венера33» унесла жизни сотен людей, Среди них были её отец — офицер Военнокосмических

сил, и мать — инженербиотехнолог. В тот день мир для неё закончился и начался заново — уже другим, более жёстким и требовательным. У неё осталась младшая сестра Лиза. Семь лет. Слишком маленькая, чтобы понять, что произошло, и слишком уязвимая, чтобы остаться одной. Алиса не позволила системе забрать Лизу в городской приют. С помощью коллег родителей, людей, которые помнили и уважали их службу, она добилась невозможного — разрешения забрать сестру с собой в первую лунную космическую гимназиюинтернат. В ЦКБ и ВКС за них поручились влиятельные фигуры. Девочкам разрешили жить вдвоём, в отдельной комнате — редкая привилегия даже по меркам Луны.

Лиза ходила в лунный детский сад для детей колонистов. Алиса училась. И жила сразу за двоих. Помимо основной программы она успевала заниматься с сестрой, помогать ей адаптироваться к новой жизни, новым людям, к искусственному небу за куполом. Иногда ей помогали преподаватели интерната. Иногда — просто молча закрывали глаза на усталость в её взгляде. Алиса дополнительно посещала факультативы в лабораториях и симуляторах биосистем, задерживалась допоздна, словно боялась остановиться.

Жизнь научила её контролировать эмоции. Страх, грусть, тревога — всё это нужно было держать внутри. Если дать им волю, можно было потерять контроль. А потеря контроля означала риск — для неё и для Лизы. Раннее взросление сформировало в ней твёрдый, решительный характер. Хо-

лодный рассудок. Умение сосредотачиваться там, где другим становится страшно. Ей предлагали работу биотехнолога на лунной станции ЦКБ — напрямую, без отбора и подготовки. Поблажка. Связи. Быстрый путь. Алиса отказалась. Она не стала пользоваться именами родителей и чужими рекомендациями. Решила добиться всего сама. Лиза к тому времени уже училась в Академии ЦКБ, и Алиса знала: её выбор станет для сестры примером, каким бы тяжёлым он ни был. После интерната, в восемнадцать лет, Алиса пошла на службу в ВКС — помощником пилота космического корабля. Рутинная, выматывающая служба. Четыре года перелётов, дежурств, ожиданий и коротких снов в каютах. За это время она поняла: путь отца — не её путь. Она вернулась к биотехнологиям. Отучилась на биоинженера. И сразу после выпуска подала заявку на отбор для работы на лунной станции — тот самый, что проходил в учебном центре «Аурора».

В эту ночь ей приснился сон. Она снова была десятилетней девочкой в детском секторе лунной станции. Белые коридоры, мягкий свет, прозрачные панели с видом на серую поверхность Луны. Рядом — мальчик. Младше её. Они рассказывали друг другу, кем хотят стать, на какие планеты слетать. Играли в космических десантников и пиратов вместе с другими детьми, не думая о будущем и не зная, каким тяжёлым оно может быть.

Сон был странно живым. И вот теперь — уже наяву — в одном из прозрачных тренировочных куполов, во время

учебного процесса, она заметила юношу. Он стоял у учебного дрона и скрупулёзно возился с его панелью, словно весь остальной мир перестал существовать. Алиса остановилась. В памяти вспыхнул сон — и сердце предательски ёкнуло. В одно мгновение вернулись воспоминания о беззаботном детстве, о лунных каникулах, о времени, когда родители были живы, а жизнь казалась бесконечной и светлой.

Она узнала его. Это был он. Тот самый мальчик из сна. Тот, с кем она играла. И вдруг — словно прорвало плотину — она вспомнила даже имя. Артём. Она не обучалась в Академии ЦКБ. Она училась в гражданской космической академии, и ей никогда не стирали воспоминания. Её прошлое оставалось с ней — со всеми потерями и редкими светлыми островками счастья. Алиса закрыла симулятор, сделала шаг вперёд и пошла к нему.

— Привет, пират Тёмушка, — сказала она, улыбнувшись. — Узнал меня?

Он оглянулся. Перед столом стояла невысокая девушка. Лазурные глаза — скорее морского оттенка — смотрели прямо на него, внимательно и чуть насмешливо. Он видел её мельком среди остальных кандидатов, но сейчас почемуто сразу понял: это не случайный разговор.

Артём замер. Осунувшийся, растерянный, он на мгновение не знал, что сказать. Годы интерната и учёбы в Академии выбили из него мечтательного романтика — оставив аккуратную сдержанность и привычку держать дистанцию.

— Привет — он выпрямился, беря себя в руки. — Нет, а мы с тобой знакомы? Как тебя зовут?

Он решил сразу взять диалог под контроль. Без формальностей, без «вы». Их положение было одинаковым — оба проходили отбор. К чему лишняя сложность и показная дистанция?

— Ах ты меня совсемсовсем не помнишь? — она прищурилась, будто проверяя его. Потом улыбнулась. — Ты, наверное, из Академии. У меня там учится младшая сестра — Лиза. Она рассказывала, что у вас стирают ну, или глубоко прячут в подсознание яркие жизненные воспоминания.

Алиса чуть наклонила голову. — Меня зовут Алиса. Мы с тобой познакомились в далёком детстве. На лунной станции, в детском секторе. И если мне не изменяет память — даже три смены подряд.

В этот момент до Артёма дошло: воспоминания не стирают. Их просто выключают. Но если источник не появляется — они так и остаются спящими.

Он видел её уже почти две недели. Регулярно. И именно с этого времени ему начали сниться сны — детство, Луна, размытые силуэты, ощущение света и простора. Он помнил, что впервые побывал на Луне ещё ребёнком. Но не помнил лиц. Не помнил имён. Процедуру «чистки» памяти в Академии проводили раз в семестр. Формально — для снижения эмоциональной привязанности. Это не мешало жить: во время каникул он общался с друзьями, знакомился с девушками.

ми, флиртовал. Учёба, техника, системы — всё это занимало его целиком, но он понимал: иногда нужно отвлекаться, иначе перегоришь.

Но сейчас Сейчас он был не готов. Ни к новому знакомству, ни тем более к флирту. Отбор шёл полным ходом, и от него зависело всё дальнейшее будущее. Он не хотел разминивать его на очередной короткий роман.

— Очень приятно, Алиса, — спокойно сказал он. — Думаю, ты уже знаешь, меня зовут Артём. Да, я из Академии. Возможно, видел твою сестру. Она сейчас на втором курсе, верно? Каштановые волосы, глаза потемнее

Он на секунду задумался и кивнул сам себе. — А, так это твоя сестрёнка. Следственнооперативный факультет. Вы правда очень похожи. Боевая девочка — сама кого хочешь обидит, — усмехнулся. — За ней, кстати, юноши бегают, но она всех отшивает.

Алиса рассмеялась. — Тебя, видимо, тоже отшивала? — Она посмотрела на него, оценивающе. — А ты из технарей, да? Красавчик.

— Дада, — он хмыкнул. — Ты очень наблюдательна. А потом его тон снова стал серьёзным. — Но всё-таки давай не отвлекаться. Через три дня экзамен. Нас уже половину отсеяли. Мне бы не хотелось здесь остаться да и тебе, думаю, тоже.

Он чуть улыбнулся — впервые за разговор. — Так что давай дерзать. До встречи, красотка.

Алиса остановилась, когда оказалась за пределами купола. Шаги стихли, шум тренировочной зоны растворился в ровном гуле базы. Она выдохнула. Сердце билось чуть быстрее обычного — редкость, которую она не любила, но и не отрицала. Контроль не означал отсутствие эмоций. Он означал умение не дать им взять верх. Имя — Артём — легло в памяти легко, будто всегда там было. Не как выученный факт, а как что-то давно знакомое, просто спрятанное под слоями времени. Она не обернулась. Не стала смотреть ему вслед. Академия не стирает воспоминания. Она лишь закрывает к ним доступ, — подумала она спокойно, почти холодно. Интересно, сколько ещё потребуется, чтобы он начал вспоминать сам. Она коснулась виска. Имплант связи мягко завибрировал — подтверждение подключения. Алиса активировала приватный режим квантовой связи. Пространство вокруг потускнело, словно мир сделал шаг назад, уступая место дополненной реальности. Перед ней возникла Лиза.

— Ты чего так резко вызвала? — щурясь, спросила она. — У меня занятие через десять минут.

Лиза уже не была семилетней девочкой с Луны, но и не взрослой женщиной. Собранная, живая, с упрямым блеском в глазах. Алиса увидела в ней наследие тех лет, когда приходилось брать ответственность за сестру полностью на себя.

— Я встретила одного старого знакомого с детского лунного лагеря. Ты помнишь, я тебе рассказывала про него? — спокойно сказала Алиса.

Лиза замерла. — Кого?

— Артёма.

Пауза. Потом медленная улыбка. — И? Он вспомнил? — в её голосе смешалось любопытство и надежда.

— Нет, — покачала головой Алиса. — Но думаю, он видел такой же сон, как и я. Академия выключила воспоминания, не уничтожила.

— Я же говорила, — повторила Лиза. — У них там всё топорно. А он как?

Алиса на мгновение задумалась. — Осторожный. Закрытый. Очень собранный. Бойтся потерять шанс.

— Ты рада этому? — спросила Лиза внезапно серьёзно.

Алиса не отвечала сразу. — Я спокойна, — сказала она наконец. — И это для меня важнее. К тому же он тебя знает.

Лиза кивнула, принимая ответ. — Тогда будь аккуратна, — добавила она мягче. — Ты знаешь, как такие вещи могут выбивать из колеи.

— Знаю, — Алиса улыбнулась почти невидимо. — Именно поэтому держу всё под контролем.

Связь погасла. Алиса осталась одна — среди холодного металла и ровного света базы. Она поправила пучок волос и пошла дальше. Впереди был экзамен. И время подготовиться к нему. Она проходила мимо лабораторного отсека, где стоял закрытый шкаф с устаревшими образцами и техническими архивами. В запотевшем стекле было видно лишь смутное отражение её лица — и на короткую долю секунды ей пока-

залось, что в этом отражении прорисовывается ещё одна фигура: силуэт мужчины в старом рабочем комбинезоне, с тонкими пальцами, держащими чертёж. На дверце шкафа кто-то нацарапал мелком краткую пометку — неформальный знак, к которому Алиса почему-то сразу отнеслась с лёгким приливом тоски. Знак был прост: маленькая литера А, выцарапанная в углу, будто кто-то ставил подпись на чертеже и случайно оставил след. Она не думала об этом при выходе — но в комнате поздно вечером, когда отключился шум базы, и остался только слабый гул жизнеобеспечения, в голове вновь всплыл тот знак. Он был таким же, как на старой фотографии, которую Алиса однажды увидела в ящике у покойной матери: мужчина с лёгкой улыбкой, в окружении инструментов и кабелей, и та самая буква в углу снимка. Её взгляд тогда задержался, но она ничего не сказала: фотографии были слишком лично связаны с тем, что было утеряно. Эти мелкие совпадения — забытые пометки на чертежах, фамильные штампы на старом оборудовании, и отголоски мелодии, которую незаметно напевал кто-то в лаборатории — лежали где-то на границе между забвением и памятью. Они не раскрывали ничего прямо, но создавали тонкие рёбра смысла, которые могли однажды дать трещину в плотной стене забывания. Алиса знала, как осторожно работают с такими вещами: слишком прямой вопрос разрушит защиту, слишком быстрый шаг привлечёт лишнее внимание. И всё же где-то в глубине она ощущала, что эти едва уловимые следы — не случайность.

Может быть, однажды они сложатся в картину. А может — так и останутся тихими нотами прошлого, слышными только тем, кто готов слушать. Пока же был отбор, практика, многократные симуляции. И среди всего этого — встреча, которая, как ей казалось, могла изменить немного: вернуть либо окончательно похоронить то, что было утеряно в детстве. Она не знала, что и Артём, и она в будущем будут волочить за собой тень тех, кто когда-то работал с теми же приборами, что стояли сейчас в «Ауроре». И что имя, едва заметное на старом чертеже, однажды заговорит громче, чем уничтоженные архивы. Но это было ещё далеко. Сейчас было здесь — холод, экзамен и дроны, и лёгкое ощущение, будто в воздухе дрожит что-то произнесённое.

Глава 2 Скат и Лея

Максим Орлов заметил их сразу. Не потому, что сцена была какой-то особенной — наоборот, слишком тихой для тренировочной базы. Он давно научился обращать внимание именно на такие моменты. Тишина перед движением. Спокойствие перед сбоем. Люди, которые не играют роли.

— Видела? — бросил он, не оборачиваясь.

Лея Рахманова стояла рядом, опираясь плечом на ограждение. Тридцать один год, спокойная осанка, внимательный взгляд. В её движениях не было суеты — только уверенность человека, который точно знает, где находится и зачем.

— Видела, — ответила она. — Инженер и биотехнолог. Интересная пара.

Максим усмехнулся чуть заметно.

— Ты всегда смотришь на людей как на отчёт.

— А ты всегда ищешь угрозу, — парировала Лея. — Кто из нас ближе к истине?

Максим перевёл взгляд туда, где Артём снова вернулся к учебному дрону.

— Парень напряжён, — сказал он. — Академия. Чистки. Давление. Он сейчас думает не о ней а о том, как не вылететь.

— А она? — спросила Лея.

Она наблюдала за Алисой — за тем, как та уходила, не оглядываясь. Будто разговор уже стал прошлым. Будто она

умела отрезать лишнее без сожалений. Максим помолчал чуть дольше обычного.

— Она опаснее, — сказал он наконец. — Собранная. Умная. Слишком хорошо держит эмоции. Такие либо ломаются внезапно

либо выдерживают всё.

— Или меняют правила игры, — добавила Лея.

Максим хмыкнул.

— Тоже вариант.

Он прищурился, наблюдая.

— Но знаешь, что самое интересное?

— М-м?

— Они не выглядели как случайные знакомые.

Лея кивнула.

— Я тоже это заметила.

Максим уже прочитал личные дела Алисы и Артёма.

Они с Леей были оперативными сотрудниками ЦКБ РФ, служили в лунном поселении «Синергия» и временно командированы в «Аурору» для отбора новых сотрудников в свою группу. Квота — максимум четыре человека. Обычно набирали одного, редко двух. Иногда — никого. Максим Орлов. Позывной «Скат». Тридцать пять лет. Высокий, крепко сложенный, с широкой спиной и тяжёлой, «земной» походкой человека, привыкшего к гравитации и весу брони. Лицо угловатое, с резкими скулами и следами старых травм — не показными шрамами, а теми, которые замечают толь-

ко внимательные. Коротко стриженные тёмные волосы с сединой на висках — не по возрасту, а по опыту. Глаза тёмные, почти чёрные, взгляд тяжёлый, оценивающий. Он редко смотрел прямо — чаще чуть сбоку. Как человек, привыкший видеть больше, чем показывают. Ветеран боевых действий. Гвардии майор в отставке. Служил в космическом десанте ВКС РФ. Он прошёл Вторую внеземную ресурсную войну — конфликт Содружества земных государств с Коалицией независимых систем, стремившихся к автономии и собственной власти. Война велась силами частных космических армий, боевых роботов и кибернетических систем. Были и локальные операции — против пиратов, подпольных синдикатов, захваченных станций. И марс. Красная пыль. Сухой металлический воздух. Тяжёлое небо. Воспоминание пришло резко. Без предупреждения. Пятнадцать человек в модуле перед выходом. Шлемы ещё сняты. Кто-то смеётся.

— Скат, если выживем — ты мне должен ящик нормального кофе, не этой химии!

— Сначала выживи, — лениво бросил он тогда.

Лея сидела напротив, проверяя крепления на перчатках.

— Ты ему не верь, — сказала она спокойно. — Он потом скажет, что не было сделки.

Кто-то хохотнул. Кто-то рассказывал байку про Венеру. Обычный момент перед выходом. Живой. Настоящий. И вдруг — резкий сигнал тревоги. Сирена резанула пространство. Смех оборвался.

— Тревога! Контакт ! — голос дрона информатора
Движение стало мгновенным. Шлемы. Фиксаторы. Оружие.
Никакой суеты — только скорость.

Максим стоял уже в полном снаряжении, когда на секунду закрыл глаза. Губы едва заметно шевельнулись. Тихо. Почти беззвучно. Старые слова. Руны. Не для других. Для себя. Чтобы собраться. Чтобы не ошибиться. Чтобы вернуться.

Он открыл глаза. И воспоминание оборвалось.

Максим моргнул. Снова база «Аурора». Снова стекло. Снова кандидаты. Он медленно выдохнул. Максим родился в небольшом сельском полисе недалеко от Нижнего Новгорода. В семье военных. Старший брат служил в десанте и погиб во время той же войны. Отец — ветеран первой внеземной кампании — дожил до глубокой старости и умер в 2281 году. После этого Максим ушёл из армии и перевёлся в ЦКБ — служба казалась спокойнее, да и мать нельзя было оставлять одну. Семьи у него не было. Детей — тоже. Но мысль об этом уже не отпускала. Он чувствовал ответственность за продолжение рода. И знал: этот выбор однажды придётся сделать. В его семье служили всегда. Предки воевали ещё в земных конфликтах XIX и XX веков. Один из них прошёл Великую Отечественную. Другие — Афганистан и Чечню. В родовой памяти хранились и имена тех, кто участвовал в боях Сирии и СВО начала XXI века — Аллепо, Мариуполь, Бахмут, Авдеевка. Позже — лунные столкновения и марсианские операции середины XXII века. Максим не хотел, чтобы эта цепь

оборвалась на нём. Он верил в силу рода. Перед заданиями совершал простые, почти забытые ритуалы — не напоказ, не для других. Носил при себе старые руны, сочетая славянские и скандинавские символы. Татуировки на теле были отголоском давней традиции воинов — ещё с начала XXI века.

Аделина «Лея» Рахманова была для него не женщиной. Побратимом. Старший лейтенант ВКС, профессиональный космический диверсант. Гибкая — телом и умом. Она умела действовать вне протоколов и находить решения там, где инструкции заканчивались. Лея редко стреляла. Но от её решений зависело, будут ли стрелять другие. В их связке всё было просто. Максим первым чувствовал, когда ситуация начинала пахнуть кровью. Лея первой понимала, что кровь — это уже чей-то просчёт.

Так они служили вместе уже около 10 лет. И ни разу не подвели друг друга. Но оба знали:

в их работе достаточно одной ошибки.

Глава 3 Первый тандем

Подъём на базе был в семь утра.

В 7:30 — завтрак. После завтрака — подстроечный брифинг. Прослушивание гимна. Распределение задач. Командующий базы гвардии полковник Митрохин, стоял в полевом костюме, и его строгая фигура словно вписывала распорядок в ритм серебристых куполов. Курсанты построились на плацу, тонкий мороз едва колот лицо. Рядом с полковником — заместитель и командированные сотрудники лунных баз; среди них — Максим и Лея, которым предстояло наблюдать и оценивать.

— Здравствия желаю, господа курсанты, — произнёс полковник, голос его звучал ровно, без лишней громкости.

— Здравия желаем, господин полковник, — ответил строй хором, ровный, отточенный.

Построение было коротким; слова — чёткими и сухими.

— Сегодня вас ожидает следующий формат работы. — Полковник раздал вводные короткими фразами, как тот, кто привык отдавать приказы и видеть их исполнение. — Следственнооперативный факультет: распределение случайное, звенья по три человека. Двое оперативников работают в связке со следователем. Ваша задача — выявление диверсантов в симуляции, поимка, допрос, последующая вербовка и выявление всей преступной сети. Инженерия и биотехно-

логи работаете автономно. Стрессфакторы, аварийная ситуация, работа во взаимодействии. На совместную работу даёт-ся два дня, временем распоряжаетесь самостоятельно. Можно работать хоть в ночное время без отбоя. Вводные данные придут в течение одной минуты. Курсанты, успешно выполнившие задания, будут допущены к экзамену. Вопросы?

— Вопросов нет, — ответил строй. — По местам. Желаю вам успехов, курсанты!

И строй распался, как струя воды, разошёлся по куполам. Имплантанты связи завибрировали почти одновременно, выдавая номера модулей и вводные.

Артём стоял возле инженерного стенда. На магнитной платформе завис учебный дрон — старая модель технического обслуживания станций. Корпус матовый, местами потёртый, техника с историей; на современных колониях такие почти не использовали. Он провёл ладонью по интерфейсной панели, и перед глазами развернулась прозрачная трёхмерная проекция с узлами, каналами энергии и датчиками.

— Ну что, дедушка — тихо пробормотал он, будто шутка уменьшала ответственность.

Дрон лениво вращался в воздухе. Диагностика показывала нестабильность в блоке навигации: сбой синхронизации гироскопов. На свежих моделях ИИ корректировал такие ошибки автоматически, но здесь приходилось действовать руками и мыслью.

Артём подумал прямо: проверяют, умею ли думать, а не только нажимать кнопки. Он снял боковую панель. Внутри — микромеханические стабилизаторы, крошечные кольца, удерживающие ориентацию. Один датчик реагировал с задержкой. Он подключил диагностический щуп, и на проекции отчётливо выступила линия сигналов — то, что у него в голове всегда выглядело как ритм сердца машины.

— Вот ты где — сказал он, проследив источник.

Он изменил частоту отклика датчика вручную, подстроив её под старую архитектуру. Дрон дернулся, затем ровно завис. Артём позволил себе короткий, но искренний выдох — удовлетворение от точности, от того, что руки и взгляд совпали.

Через прозрачную стену соседнего купола он увидел Алису. Она работала в биомодуле под зелёным свечением защитных экранов; её движения были точны и невозмутимы. Немного задержал взгляд — и снова вернулся к панели. Мысль зацепилась — и осталась. Это было как привычка: замечать её и убирать отметку.

Биомодуль — герметичная камера с микро растительными культурами, предназначенными для переработки воздуха и воды. Учебный сценарий заявлял утечку биоагента — опасной бактерии, способной уничтожить экосистему замкнутой станции. По легенде, если бы она распространилась, колония могла погибнуть за считанные часы. Алиса следила за графиками: уровень кислорода, температура, ак-

тивность микроорганизмов.

Её взгляд застыл на слишком ровной кривой: алгоритм моделирования сглаживал реальную турбулентность. Она отключила фильтр анализа, перевела систему в ручной режим — и данные изменились, стали резкими и агрессивными. Для неподготовленного глаза это были бессмысленные скачки; для неё — сигналы, которые требовали действий. Она изменила влажность и температуру на доли процента; колонии замедлили рост. Она могла бы сообщить инструкторам и получить баллы, но выбрала другой путь: исправить ошибку здесь и сейчас. Так работает тот, кто ценит результат выше формальностей.

Артём тем временем подстраивал старые стабилизаторы. Его руки двигались размеренно: трогательно старомодно — как у техников, что не доверяют автоалгоритмам больше, чем собственным пальцам. Машины были честны — если ломаются, у этого есть причина.

Вдоль линий куполов их ритмы совпадали: он удерживал аппарат от падения, она — хрупкий баланс жизни. Вечером взгляды пересеклись в столовой, но ни один не сделал шаг навстречу. Мысли обоих были заняты предстоящим днём: экзамен, отбор, шансы, которые не хотелось терять.

Следующее утро началось с сюрприза. В куполе Артёма дрон внезапно дрогнул и сместился на полметра, как будто его толкнуло невидимой рукой. На панели всплело предупреждение: «Отклонение магнитного поля. Источник: внеш-

ний контур». Артём нахмурился; он не трогал настройки. Купол должен быть автономен по регламенту.

В тот же момент в куполе Алисы зазвучала тревога: «Нарушение герметичности. Изменение давления: 0,7%». Она замерла, проверила шлюзы — все закрыты. Фильтры — в норме. Но биосистема реагировала, как при разгерметизации: бактерии делились быстрее. Давление падало, но не изза утечки: линия энергоснабжения биомодуля шла через контур технических тренировок — прямо через купол Артёма.

Артём быстро понял: старый дрон, работая на магнитной подвеске, компенсировал поле за счёт внешних контуров базы. Если он отключит компенсацию резко, дрон может упасть и проломить оборудование; если не отключит — биомодуль Алисы будет «зарываться» в цепную реакцию. Устаревшее оборудование не думало наперёд. Надо было действовать синхронно.

Его интерфейс выдаёт входящее соединение: идентификатор — А. Климова; приоритет — экстренный. Проекция Алисы появилась в виде лица и данных вокруг — минимально, поделовому.

— Ты сейчас работаешь с магнитной платформой? — спросила она без прелюдий.

— Да, — ответил он. — Старый дрон тянет энергию из общего контура.

— Он влияет на давление в моём куполе, — уточнила она. — Биомодуль реагирует как при разгерметизации.

Они считали секунды, выверяли параметры. Диалог был коротким, слаженным — как у тех, кто умеет работать в паре не по одному дню, а по привычке. Артём вывел управление стабилизаторами в ручной режим; пот выступил на ладонях от концентрации, не от страха. Старой технике ошибки не прощают.

— Готова? — спросил он.

— Считаю сама. Три два — Алиса считала тихо, точно.

— Один. — Он отключил компенсацию на минимально допустимом уровне. Дрон просел, корпус поскрипел.

В куполе давление стабилизировалось; бактерии «успокоились». Артём перераспределил нагрузку на внутренний аккумулятор; поле выровнялось. Они обменялись коротким сообщением, которое в мирской речи звучало как комплимент:

— Хорошо сработали. — сказала Алиса первой, чуть сухо.

— Ты тоже, — ответил он, и в этом «тоже» была искра — признание, которое она уловила.

Связь погасла — ненадолго, но достаточно, чтобы оба почувствовали, как в груди что-то сменилось. В камере за стеклом Максим, стоявший на смотровом балконе, скользнул взглядом по куполам и произнёс тихо:

— Это не был случайный сбой.

Лея, рядом с ним, посмотрела вниз. — Конечно нет, — сухо сказала она. — Мы смотрели, кто попросит помощи,

а кто начнёт работать. Они даже не спросили, можно ли соединиться. Потому что время дороже протокола. И они это знают.

Максим усмехнулся. — Значит, оставляем обоих. И усложняем испытание.

Меж тем, между Артёмом и Алисой что-то начало тихо расти — не песня, не вспышка, а ряд тихих соседствующих мыслей и образов, которые иногда приходят будто по воле ветра.

Артем видел в обрывках снов: белые коридоры под куполом «Мира», мягкое, немного тёплое освещение, которое делает лица детей округлыми, почти беззаботными. Шум — смех, крики, гонки на малых гравитонах. Они с ней были тогда детьми: она старше на три года, с каштановыми волосами, собранными в пучок, он — моложе, дерзкий и бесшабашный. Их игры — космические десантники и пираты; шлемы из пустых контейнеров, шнуры как ригели, и «захваченные» модули, которые они с гордостью тащили в «лагерь».

Алиса помнила так же: парень с серьёзным взглядом, всегда немного растерянный, но дерзкий в играх, любящий прятаться и внезапно атаковать. Он умел смеяться, и в то же время — хранил молчание, которое дети посвоему уважали.

В одном из вечеров, когда все уснули, они сидели у прозрачного окна и смотрели на стороны Луны, где серое поле казалось покрытым пеплом. Он сказал что-то, смешное и

нелепое, и она долго хохотала. Та самая ночь, когда она впервые вручила ему «пиратский знак» — кусочек металла с выдвинутым рисунком корабля, который она нашла в складчатине старых деталей. Он хранил его, пока «Мир» не перестал быть домом. Потом их пути разошлись. Жизни разошлись. Но в памяти эти игры остались как яркие пятна на старом холсте.

Эти воспоминания возникали теперь, в мельчайших движениях: у Алисы — привычка чуть наклонять голову, когда она анализирует; у Артёма — тот самый прищур и склонность шептать технике слова, как старому другу. Каждое такое совпадение было небольшой нотой, которая складывалась в мелодию — не громкую и не требовательную, а ту, что слышит тот, кто умеет слушать.

Артём сдерживал эмоции. Интернат и академия отработали привычку прятать большие чувства за ровным тоном и аккуратной маской профессионала. Но внутри он — человек, который сохранил редкие островки детских впечатлений: вкус заводского шоколада, запах смазки на руках от дрона, смех в коридоре. Он боялся потерь и при этом тайно ценил каждую живую память. Его страх — потерять шанс, не оправдать ожидания отца.

Алиса — крепкая, хладнокровная, научившаяся держать ответственность за двоих. Рано взрослея, она научилась растворять страх в деле. Но в её холоде была мягкость, которую знала её сестра Лиза: умение улыбаться в нужный мо-

мент, трепет к мелким радостям и память о ночах на «Мире», где детские игры давали ей карты мечты. Её страх: не дать сдаться сестре, не позволить системе вытянуть из неё человечность.

После испытаний Алиса возвращалась в комнату медленными шагами. Её отражение в зеркале шкафа на долю секунды смешалось с тусклым силуэтом мужчины на старом снимке, и знак — латинская буква А — мелькнул в памяти. Она не знала, почему это тревожит: следы прошлого укладывались не по порядку, а по ассоциациям. Но было чувство, что старые пометки и новые совпадения однажды свяжутся в картину, которая объяснит многое.

Артём не мог отвести мысль от того, как легко они действовали в синхроне. Ему снились обрывки: мальчишеский смех, погони в низкой гравитации, штучный «пиратский знак». Эти образы казались одновременно далёкими и живыми: как будто память была не утеряна, а спрятана, и теперь — под небольшим давлением — начинала просачиваться обратно.

И, может быть, ещё что-то: шанс посмотреть в глаза друг другу без протоколов и масок, и признать в них не просто коллегу, а того, кто помнит и умеет беречь. Артём вернулся к дрону. Алиса вернулась к биомодулю. Они не знали, как сложится дальше, но в их действиях уже была доверительная нота, ощущение, что вместе они могут больше. И где-то, под их руками и взглядами, прошлое — с его играми на «Мире»,

с пиратскими знаками и детскими велениями — тихо подстраивалось, подсовывая им маленькие подсказки, которые, быть может, однажды станут ключом к старым тайнам.

Конец дня. Купольный свет плавно приглушился, оставив только ночное свечение приборов. В воздухе висела та самая тишина перед сном, где думы собираются в узелки и ждут утра, чтобы распутаться.

Глава 4 Разбор

Зал был слишком светлым: белые панели, холодный ровный свет, длинный стол без символики — ничего, что могло бы отвлечь или смягчить решение. Здесь оставалась только система и люди внутри неё.

В зале сидели двадцать пять кандидатов — полтора потока, что выжили после первичного отбора: инженерный, биотехнический и следственнооперативный факультеты. Сегодня список сократится ещё сильнее. Правила были просты и беспощадны: кто прячет голову за инструкцией, кто воображает героем, кто действует по шаблону — тот вылетает.

Артём сидел во втором ряду, ровно, пальцы сцеплены. Паника ушла; осталась чистая концентрация: сбой был слишком синхронным, чтобы быть простым совпадением. Значит, это проверка на мысль.

Алиса — через несколько мест, ровная, нейтральная маска, но живой взгляд. Рядом с ней — трое с нашивками СОФ; среди них — высокий парень с резкими чертами и девушка с короткой стрижкой — именно она потом выйдет из зала с опущенной головой.

Дверь открылась. Вошёл подполковник Громов — жёсткий профиль, ровный голос, который не требовал усиления. За ним — Максим и Лея; они заняли места у стены, словно наблюдатели и судьи в одном лице.

Экран ожил: запись вчерашнего сбоя — два купола, просадка поля, биомодуль, дрон. Разбор начался без излишней прелюдии

Громов смотрел по залу и задавал вопросы коротко, остро.

— Климова. Почему инициировали межконтурное соединение?

Алиса встала спокойно.

— Параметры утечки не соответствовали внутренней модели биомодуля. Я проверила карту энергоконтуров и увидела зависимость от соседнего купола. Временное окно реакции — три секунды. Уведомление инструктора увеличило бы риск.

— Протокол предписывает уведомить инструктора. Вы не уведомили.

— Я действовала ради сохранения системы.

В зале послышалось тихое шуршание — это равновесие между правилами и здравым смыслом сгибалось, но не ломалось.

— Воронов. Почему не остановили работу дрона?

Артём поднялся ровно:

— Дрон был в ручной стабилизации. Резкое отключение вызвало бы механический срыв и усиление поля — это усугубило бы разницу в контуре. Мы выбрали контролируемое отключение.

Громов коротко кивнул: — Хорошо.

На экране — кадры действий следственнооперативной группы. Громов переводил взгляд с картинки на фигуру каждого подозреваемого.

— Кудрин, — сказал он. — Почему вы не вмешались?

Высокий парень с нашивкой СОФ побледнел и ответил, как и положено по инструкции: «Мы ждали подтверждения тревоги». Громов не скрывал раздражения:

— Инструкция — инструмент, не костыль. В ситуации диверсии вы обязаны оценивать систему целиком, а не ждать формального сигнала.

Решение было мгновенным и жестким: отчисление и переподготовка через год.

— Курсант Самсонов, — сказал Громов и замедлил голос так, будто от этого зависела мера справедливости. — Почему вы удерживали периметр, не отправив подкрепление на сектор утечки?

Он встал без суеты. В его голосе не было театра — только сухая последовательность фактов.

— Получив доступ к телеметрии, я видел две возможные линии развития: рассеивание персонала по секторам и потерю контроля над биомодулем, либо удержание ключевых постов и координация контратак. Я приоритезировал сохранение контроля над периметрами эвакуации и телекоммунами, чтобы исключить цепную панику и обеспечить возможность целенаправленного вмешательства инженеров. Связался с двумя ближайшими группами, дал указание временно не пе-

ресекать границы без прямой координации. Риск увеличился, но системный разрыв был предотвращён.

Громов слушал, не моргая. В зале повисла та редкая тишина, где слова взвешиваются как монеты.

— Вы оценили угрозу диверсии и действовали в интересах устойчивости станции, — коротко произнёс он. — Это не пассивность — это расчёт. Принято. Проходит дальше.

В упомянутом углу три человека с нашивками СОФ обменялись взглядами: одни — с облегчением, другие — с горечью. Самсонов сел, но в его глазах не было триумфа — только сосредоточение: испытание продолжается

Дальше — Стрельцова: отключила модуль полностью, опираясь на аварийный регламент для автономного купола. Но регламент не учитывал контурную связь: отчислена.

Миронова — инициировала блокировку внешних каналов, предположив кибервмешательство при слишком синхронной просадке. Не проверила физическую причину — создала панику. Отчислена. Она встала, спокойно прошла мимо рядов и вышла без слов.

Разбор шёл холодно. Критерии были жёсткие: кто видит систему как целое — остаётся; кто прячет голову за алгоритмом — вылетает; кто играет в героизм — лишается доверия. Из пятидесяти осталось двадцать пять.

После разбора, когда зал рассеялся, взгляд Алисы и Артёма встретился едва заметно — и в этой крошечной искре была уже больше не детская память, а осознание общего ру-

бежа. У стены Максим тихо сказал Лее:

— Эти двое либо усилят друг друга, либо станут слабым местом.

— Это мы и проверим, — ответила она. И в её тоне слышалось не только оценка, но и забота.

Наутро, пока куполы молчали, в комнате с матовым стеклом шло совещание, где решали судьбы курсантов. Вокруг голографы и сухие отчёты — Митрохин, Громов, представители ЦКБ, и он — Эрик Гальбион, присланный с Марса. Холодный штатный взгляд, тонкие губы, в которых слову «эмпатия» не место.

На панно — три профиля: Воронов, Климова, Самсонов. Марсианин сказал прямо:

— На Марсе нам нужны автономные исполнители. Не дуэты и не чувствительные звенья.

Максим ответил так же прямо, и его голос не дрогнул:

— Мы не торгуем людьми по профильным спискам. Мы отбираем тех, кто выдержит рубежи. Они вчера закрыли задачу. Это не романтика — это результат.

Эрик хмыкнул, и в этом хмыканье слышалась не только ирония, но и некая самоуверенная беспечность:

— Если они провалятся, я заберу тех, кто останется.

Максим не вынес сомнения: огонь прошёл по голосу как ток.

— Ты думаешь, что можешь забрать лучших, потому что тебе нужны ресурсы? — его ответ был тёплым от старой бо-

ли. — У тебя есть история, Эрик. Ты знаешь, как теряют людей. Или ты забыл, как изза твоих недосмотров диверсанты пробрались на Бирюзу3?

В комнате стало холодно. Эрик опустил взгляд, но вскоре вернул лицо маске.

— Было внутреннее расследование, — сказал он сухо. — Мы сделали выводы.

— Выводы? — Максим шагнул ближе, слова шли тихо, но безжалостно. — Ты не выявил шпиона в своих подчинённых. Ты закрыл глаза на признаки. Изза этого диверсанты «Чёрного предела» вошли в сектор, Фил погиб, Лонс лишился руки. Ты предпочёл цифры живому, а теперь хочешь забрать у нас лучших. Кто дал тебе право распоряжаться жизнями, когда сам допустил оплошность, из за которой погиб человек.

Эрик стиснул губы. Он мог отрицать, но правда была как шрам: видна и болезненна. В памяти Максима явственно всплывал тот день; флешбек прошёл не как сухой отчёт, а как кинематограф — звук, запах, движение.

Бирюза3. Марево красной пыли, которое ложится на всё, что дышит. Ночной сектор, где свет приборов выглядел как тонкие прожилки на коже мира. Сигналы тревоги сначала были маленькими, затем нарастали, как рёв вдали. Система дала слабинку там, где полагалась сталь и дисциплина.

Максим помнил, как всё началось с десяти признаков — странные метаданные в телеметрии, нестыковки в логах доступа, помехи в распознавании биосигнатур. Эти сигналы

требовали человеческого внимания, насторожённости, интуиции — и, главное, контроля людей. Вместо этого внутри штаба циркулировал человек, который играл роль фильтра: его имя не было шифром зла, но он оказался щелью. Он знал слишком мало — или притворялся, что не знает. И никто не взял на себя смелость выкопать правду.

Когда дверь секции распахнулась, семеро диверсантов уже были в тени технических тоннелей, словно выросли из пыли. Они двигались одновременно и молча; их цель — разгерметизация и подрыв энергохранилища. Три действовали по цели, семь — отвлекали. Это не была простая атака: это была хореография разрушения, отрепетированная и холодная.

Фил первым увидел, что отвлекающие манёвры — не для отвлечения. Его напарники — Лонс и Максим — двинулись с ним. Фил был тем, кто верил в близких, кто не сдавался перед напором, кто шёл в самую гущу, чтобы перекрыть путь врагу. Он рвался вперёд, крича коротко: «Держите периметр!» — и его голос, низкий и твёрдый, резал пыль как нож.

Они столкнулись с засадой. Внезапно из темноты рвануло пламя взрыва, и стены вздрогнули от ударной волны. Одна из диверсантских установок сработала так близко, что металл закручился и загудел, как рана. Фил попал под осколок — не смертельно сразу, но достаточно, чтобы лишить дыхания, чтобы сделать каждое движение мучением.

Лонс бросился на перехват, но расчёт был неверен: один диверсант вышел слева, второй — справа, и они вцепились в Лонса с такой свирепостью, будто хотели вырвать из него зерно силы. Когда Максим прорвался через завал, Лонс лежал, и рука его была рваной, безжизненной: она висела неестественно, как ремешок, лишённый смысла. Фил же — он был уже там, где заканчивается тело. Его лицо было спокойным; в глазах светилась не боль, а удивление, как будто ему было жаль, что этот бой закончился именно так. Он успел ухмыльнуться и выдавить: «Бой честный», и это были его последние слова, лёгкие и странно простые, прежде чем тьма забрала его.

Максим помнит, как кричал, как мир в один момент стал шумом и жестью. Он помнит бессилие, запах палёного пластика и крови, как будто они сливались в один невнятный запах. Он помнит Лонса, которого поддерживал, и тот взгляд — смесь боли и вины: «Это я был ближе», — говорилось без слов. И память о предательстве: в дозорных логах один из тех, кто должен был наблюдать, стоял в тени слишком долго. Его имя — как отпечаток грязи на совести. Эрик мог перекладывать ответственность, но его молчание уже не было оправданием. Когда спасатели прибыли, было поздно. Диверсанты ушли так же бесшумно, как пришли. Фил умер на руках друзей, а Лонс — без руки и без прежнего строя. Это было не только поражение в бою; это была рана, которая запомнилась навсегда.

После этого события внутреннее расследование велось формально. Бумаги, отчёты, заключения с пометкой «недостаточность проверки». Но факты были проще: кто-то в штабе видел знаки и не поднял тревогу. Кто-то закрыл глаза. И последствия были тяжёлые — не только для тех, кто остался, но и для тех, кто принимал решения, думая цифры важнее людей.

Максим никогда не мог простить того, кто закрыл глаза. И имя Эрика, хоть и завернутое в дипломатическую вежливость, звучало как шрам на памяти. Теперь, в комнате с голографами, когда Эрик улыбнулся и сказал, что он заберёт тех, кто останется, Максим услышал не угрозу, а вызов: «Я не позволю тебе торговать нашими».

Позже, в коридоре, когда ряды станции стихли, Андрея Самсонова пересекся с Артёмом и Алисой. Он был человек с ровным, холодноватым взглядом, но удивительной деликатностью в общении — явление редкое среди боевых типов. Их первое знакомство было спокойным: короткие представления, обмен профессиональными доброжелательностями, лёгкая ирония без высокомерия. Самсонов слушал больше, чем говорил, и в его манере читалась готовность к сотрудничеству, а не к соперничеству.

Разговор в столовой был простым: о методах, о детстве, о том, почему кто-то любит строгие протоколы, а кто-то — отходить от них. Между ними возникла искра доверия: не любовная, а рабочая, та, что важнее — та, без которой не

держится команда в бою. Самсонов сказал прямо:

— Я смотрю на людей по делу: могу любить их как товарищей, но судить — по делу. Если верите друг другу — мы пройдем.

Артём и Алиса усмехнулись. Это было обещание, не сказанное в громкие слова, а оставленное в тишине: мы — команда, если уж быть.

До экзамена осталось меньше суток. На горизонте не было побед и не было поражений — был лишь выбор: довериться системе или людям. И те, кто думал, что система — бесчувственна, и

те, кто считал, что люди слишком слабы — должны были скоро узнать цену каждого своего утверждения.

Глава 5 Экзамен

Утро началось без объявлений. Не было торжественных построений, не было напутственных речей. Только короткое сообщение на личные терминалы: «Связка- курсанты Воронов, Климова, Самсонов Подготовиться. Купол 7. Режим – реальный»

Артём перечитал сообщение дважды.

Режим *реальный* означал одно — симуляция без ограничений по нагрузке, без заранее прописанного сценария, с возможностью травматического отклика нейросети.

Он встретил Алису у входа в купол. Рядом стоял Андрей Самсонов — спокойный, как всегда, будто его вели не на экзамен, а на плановый инструктаж.

— Готовы? — коротко спросил он.

— Нет, — ответил Артём. — Но пойдём.

Алиса посмотрела на него. И впервые за всё время не отвела взгляд.

— Держимся вместе. Без героизма.

— Это ты мне? — тихо усмехнулся он.

— Это всем.

Купол закрылся.

Сначала — тишина.

Потом — удар.

Свет погас, воздух наполнился сигналами тревоги. Визу-

альные панели выдали картину: повреждённая лунная станция разгерметизация сектора, биологическая утечка, активные диверсанты внутри

— Отлично, — пробормотал Артём. — Всё сразу.

— Энергоконтур нестабилен, — быстро сказала Алиса, глядя на поток данных. — Если перезапустишь сейчас — взорвёшь половину сектора.

— Я и не собирался, — резко ответил он.

Самсонов осматривал тактическую карту.

— Трое противников. Один перекрывает коридор к биомодулю. Если не убрать — Алиса не дойдёт.

— Я могу обойти через сервисный шлюз, — сказала она.

— Он под вакуумом! — крикнул Артём.

— Я биоинженер, а не фарфор!

Гул усилился. Купол добавил вибрацию пола — имитируя удар корпуса о микрометеоритный поток.

— Хватит спорить! — резко бросил Самсонов. — Воронов — стабилизируй энергию на тридцать процентов, не больше. Климова — я иду первым.

— Не командуй, — резко ответила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.